

И. Х. Озеров

ЗАМЕТКА И ТЕЗИСЫ О ПРАВЕ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН — ДЕРЖАТЕЛЕЙ АКЦИЙ НА УЧАСТИЕ В ДОХОДАХ ПРЕДПРИЯТИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ [Машинопись. Пометки карандашом рукой Озерова]. (1920-е гг.)

У нас есть один очень интересный вопрос, требующий разъяснения. От известного решения его может образоваться приток иностранной валюты к нам.

Наша промышленность была национализирована, и акции предприятий были аннулированы, но у нас были предприятия, организованные по иностранному закону, и правление их находилось вне России, хотя объект эксплуатации исключительно или преимущественно, или в известной доле находился на нашей территории.

Конечно, акции выпущенные за границей не могли быть аннулированы нашим правительством, но если объект эксплуатации такого общества исключительно был у нас, то эти акции теряли всякую цену; да и то не всегда у правления, находящегося за границей, могли быть в его распоряжении известные суммы и правление могло приобрести на эти деньги другие объекты, находящиеся вне нашей территории, которые оно могло начать эксплуатировать, или вообще у правления уже были другие объекты эксплуатации, находящиеся вне нашей территории.

Теперь возникает вопрос: советские граждане, держатели этих акций, сохраняют ли свою долю участия в этих предприятиях? На мой взгляд — в данном случае, безусловно, да, так как общества, основанные по иностранным законам, и правления находятся не на русской территории, бумаги, выпущенные не бывшим русским правительством, а иностранным, и, следовательно, законы о национализации на эти общества не распространяются, правда, у этих обществ может быть отнят объект эксплуатации, находящийся на нашей территории.

Таковы предприятия нефтяные ойли, которые по своему уставу, если память мне не изменяет, могли иметь нефтяные предприятия в других странах, табачные шеры.

Мне думается, советские граждане — держатели этих бумаг, хотя и уничтоженных, если эти бумаги хранились в банках, должны получить право восстанавливать свои права на долю участия в этих предприятиях, и чтобы облегчить им это бывшее наше кредитное учреждение должно выдавать им соответствующие удостоверения на 1 января 1918 г. о владении ими тем или другим количеством акций того или другого рода иностранного предприятия: ведь это — то же самое, если кто-нибудь владел домом в Лондоне или в Берлине, он не терял этого дома, так как там не было национализации недвижимости в городах, хотя у нас граждане этих государств и утратили свою недвижимость.

Далее, может быть такой случай: предприятие прежде находилось на русской территории, но затем с отпадением некоторых окраин, или с захватом, как Бессарабии, Румынии, эти предприятия очутились на иностранной территории, и опять советские граждане владевшие бумагами этих предприятий по всей справедливости должны сохранять за собой свои права, так как закон о национализации не может распространяться на часть территорий, начавшие жить

своей собственной жизнью. Кажется, между прочим, в таком положении находится Федоровский сахарный завод.

Если бы русские граждане были лишены права собственности, предоставляемого им их акциями на эти предприятия, то от этого выиграли бы другие держатели акций, находящиеся на территории отошедших от нас окраин: ведь едва можно юридически установить переход вследствие национализации промышленных предприятий такого рода в руки Советского правительства. Я думаю, что на последний вопрос может быть только отрицательный ответ.

Но есть предприятия, правления которых были прежде в России, но отделения коих находятся за границей, или на территориях новообразованных государств, например, спичечное предприятие Лапшина, большинство акций их находилось в руках русских держателей, и эти предприятия или отделения их функционируют, но дивидендами пользуются, по-видимому, лишь лица, живущие вне Советской России или успевшие передать акции, имевшиеся у них в наличности, лицам, находящимся за границей. Но ведь эти предприятия не национализированы, поскольку они находятся за границей, Советскому правительству они не переданы, и, следовательно, почему лишать советских граждан доли участия в этих предприятиях, и тем самым увеличивать соответственно долю участия иностранных держателей акций: ведь если у бывшего акционерного общества Лапшина предъявляется известная доля акций к погашению по ним дивиденда, то по истечении срока давности не распределенный дивиденд, и оставшийся в резерве за непредъявлением акций большинство коих у нас уничтожено, обратится в пользу общества т. е. в пользу фактических владельцев акций.

Здесь одно из двух: или Советское правительство должно выступить, как претендент на долю участия в дивиденде пропорционально количеству акций этого рода предприятий, которые как бы перешли к нему, правительству, вследствие национализации предприятий, или что, пожалуй более правильно, так как национализация едва ли может распространяться на предприятия, находящиеся на чужой территории, то нужно дать возможность советским гражданам доказывать количество акций, которыми они обладают.

Мне думается, что раз правления банков увезли с собой копии документов, показывающие какие количества акций в банковских учреждениях были у их клиентов на хранении или на онколе, то можно думать, что они выдают подставным лицам выписки об имении у них соответственного количества акций этих предприятий и тем самым заграничные отделения наших бывших банков сосредотачивают в своих руках такое большинство акций, которое дает им право продолжать управлять этим предприятием.

Ведь так было и в прежние времена: банки, управляя тем или другим предприятием, далеко не имели сами большинства акций, а использовали значительную долю акций своих ленивых, «мертвых» клиентов, которые держали акции лишь для игры, и к общему собранию не предъявляли и все такие акции, не предъявленные клиентами, предъявлялись банкам к общему собранию за свой счет, вот почему банки и были заинтересованы, между прочим, в распространении некоторых акций между своими клиентами, выдавая даже под эти бумаги повышенные ссуды и не тревожа клиентов даже при падении курса временно этих бумаг.

Некоторые бывшие русские предприятия, отделения которых находились за границей, потеряв в последствие национализации большую долю своего имущества, перекасили свои отделения в самостоятельные акционерные общества, девальвируя свои капиталы, и согласно своим статусам, утвержденным уже за границей, постановляли выдавать новые акции в известном соответствии с держанием старых акций, т. е. каждый бывший владелец прежних акций получал столько-то новых. Такие общества известны, но многие советские граждане, имея банковские выписки об имевшихся у них бумагах за лето или осень 1917 г. могли или утратить эти выписки или даже в лучшем случае при предъявлении

их не могут ничего получить, так как правление этих новых переживших обществ, совершенно правильно указывают им, что, например, между вашей де банковской выпиской, датированной от сентября или начала октября 1917 г. и закрытием банка и прекращением юридического перехода акций из одних рук в другие, прошел известный промежуток времени, в течение которого вы де могли взять эти акции или продать другим, и поэтому эти новые правления отказывают сплошь и рядом в выдаче новых акций пропорционально имевшихся акциям у прежних владельцев, и здесь опять или Советская власть, если она считает себя вправе и может этого добиться перед иностранными судами, быть может, выступить в качестве правомочного лица вместо прежних владельцев, получивших права на новые акции вследствие акта национализации, но, думается мне, осуществить это трудно, но, скорее, надо предоставить право бывшим держателям старых акций, введя выдачу удостоверений о держании известных категорий акций прежними держателями, выгода же Советского правительства могла бы состоять в том, что этим путем открывается приток иностранной валюты к нам.

Наши бывшие страховые общества имеют свои отделения за границей, и, по-видимому, функционируют. Нам известен только за последнее время из газет факт о принудительной ликвидации в Соединенных Штатах трех отделений бывших русских страховых обществ.

И вероятно эти страховые общества работают с прибылью, и опять на территории Советской России немало страховых предприятий остались в банках и затем были уничтожены, следовательно, они не могли быть переданы другим лицам.

Кроме того, надо заметить, что некоторые частные лица у нас были настолько предусмотрительны, что истребовали от наших банков нумерацию своих бумаг и, следовательно, эти уже бумаги никаким образом не могли быть ни распроданы, ни каким-либо другим способом попасть в другие руки.

Далее, возникает еще очень интересный вопрос. Часть акций дивидендных предприятий у прежних владельцев у нас находилась в банках на хранении или управлении, т. е. чистыми от долга, а часть — на онкольных счетах, т. е. на них числилась известная задолженность, но эта задолженность выражалась в рублях, и эти бумажные деньги у нас были аннулированы. Спрашивается, бывшие кредитные учреждения, наши, которые функционируют за границей, должны ли считать эту задолженность погашенной или они могут предъявлять количество акций, которым и владели их бывшие владельцы тем предприятиям, которые функционируют за границей и выдают дивиденды — инкассировать у себя эти дивиденды в покрытие задолженности по этим бумагам, т. е. по долгу лежащему на этих бумагах.

Мне думается, что в настоящее время эти бумаги нужно считать освобожденными от долга, так как бывшие русские бумажные деньги приравнены [к] нулю. В самом деле, во Франции упал франк до 7 копеек, а если кто взял [в] долг известную сумму до войны, когда франк стоил 37 коп., он теперь этот долг уплачивает упавшим франком и будет уплачивать его, хотя бы он все более и более падал. Далее, английский суд по делу Крипса, у которого числились заложенными акции Русского торгово-промышленного [коммерческого] банка на крупную сумму, если память мне не изменяет, в 1921 г. высказался за выдачу этих бумаг владельцу их Крипсу по оплате долга советскими бумажными деньгами, т. е. долг был сведен к величине до смешного незначительной.

Некоторые бывшие русские банки уже прекратили свое существование (некоторое время они существовали через свои заграничные отделения); так ликвидирован Петроградский международный банк, прекратил свое существование Русский банк для внешней торговли. Очевидно, что сделано из боязни, что признанием Францией СССР французское правительство может предъявить свои права на них: ведь предъявило же оно свои права на ссуды Ропита.

Тогда в каком положении оказались бы бумаги, заложенные в этих банках. Долг, лежащий на них в русских рублях, как мне кажется, давно уже аннулировался, но быть может, они распродали эти бумаги и полученные суммы обратили в ликвидационную массу. Между прочим, мне известно, что у некоторых русских держателей бумаг были бумаги, находившиеся не здесь в портфеле банка, а за границей, например в Париже, Брюсселе. Что случилось с этими бумагами? Был ведь момент, когда эти бумаги при существовании у нас советского строя продолжали котироваться на Парижской бирже и по очень хорошей цене. Быть может, банки их продали и обратили полученные суммы в свою пользу, но, допустим, долг лежал на всей массе заложенных бумаг (онколл), мог ли банк производно без согласия своего клиента продать один, два — три вида бумаг и всю сумму целиком обратить на покрытие долга, притом не осуществляющего, так как с обесценением денег он аннулировался, но конечно, все эти операции могли производиться задним числом, но могла эта продажа бумаг состояться без согласия клиента, без предъявления к нему предварительного требования о покрытии долга, притом, так как ссуда была выдана в Москве или Петрограде, могло ли юридически правление (фиктивное), находящееся в Париже, предъявить это требование. Или за невозможностью его предъявить оно могло продать бумаги и без этого предъявления?

Вот вопросы, на которые я желал бы получить ответ. И этот вопрос имеет очень актуальное значение. По доходящим до нас слухам банки будто бы так и поступали, — воспользовавшись котировкой бумаг на бирже, распродали их и полученные суммы обратили в покрытие долга, но у только что упомянутых банком в залоге (и на онколл) было государственных бумаг и дивидендных на огромные суммы.

Можно ли предъявить иск к банкам, которые явились преемниками их, например, Русский банк для внешней торговли не совсем прекратил свое существование, а в известной степени перекарасился.

Русско-Американский банк продолжает существовать, так как большинство де его акционеров — французы, но это неверно. До войны это было так, но во время войны был увеличен капитал банка, французы не могли подписаться (вследствие, кажется, запрета на вывоз французских капиталов из Франции) и новые акции, неразобранные, взяли русские держатели, близкие к правлению, и они их продали русскому гражданину Ватолину, который и явился обладателем большинства пакета этих акций банка.

Из всего предыдущего, на мой взгляд, вытекает желательность оказать советским гражданам помощь в восстановлении их прав на предприятия или части их из национализированных наших предприятий, которые находятся за границей, путем выдачи особых выписок, удостоверяющих их права, затем создать особое бюро, так как дело не обойдется без обращения к иностранным судам, и, повторяю, лучше это право на участие в предприятиях или отделениях, находящихся за границей, оставить за отдельными советскими гражданами, так как судебные инстанции, по духу парящему там, в случае обращения к ним, скорее признают за отдельными гражданами эти права, чем за советским правительством: в последнем случае они будут бояться проникновения духа национализации в деловую сферу своей экономической жизни.

Но дивиденд, получаемый по этим бумагам в иностранной валюте, мог бы передаваться в НКФ (Наркомфин — А. Д.) и являться средством пополнения иностранной валюты у нас, и держателям бумаг мог бы даваться дивиденд в нашей валюте, по паритету, с удержанием в пользу бюро, о котором упомянуто, или НКФ известного процента, так как организации такого бюро НКФ должен оказать свое содействие, иначе многим советским гражданам будет не под силу организовать защиту своих интересов. У нас существует кредит-бюро, которое берет страховые полисы и их реализует, удерживая в свою пользу известный процент; быть может, конечно, у нас могло бы создаться частное бюро.

Затем надо иметь в виду пугливость русского обывателя, показывать те дивидендные бумаги, которые в прежние времена имел, так как это может подвести его под категорию нетрудного элемента со всеми тяжелыми последствиями, вытекающими отсюда: с другой стороны, на него может обрушиться налоговый меч, повышенная квартирная плата и т. д., поэтому надо облечь это дело такой же тайной, какой окружены банковские вкладные операции, текущие счета, и, по крайней мере, в случае удачного исхода этого дела заранее за несколько лет дивиденды, получаемые таким путем отдельными гражданами надо освободить от подоходного налога.

При этом кое-что фиск на первых порах потеряет, но надо помнить, что нам нужна иностранная валюта, и нам незачем за свой счет обогащать лиц, живущих за границей, и, быть может, пользующихся дивидендными бумагами, принадлежащими советским гражданам.

Но первоначально надо было бы неофициальным путем прозондировать почву по этому вопросу за границей, в отделениях бывших русских банков и в правлениях предприятий бывших русских, но находящихся в настоящее время на территории иностранных государств. Здесь получение списков бумаг, предъявляемых общим собранием, [в] которых нередко указываются нумерации предъявленных бумаг, могли бы пролить немало света, но это следовало бы сделать осторожно, дипломатично.

Тезисы

Русские граждане имели бумаги предприятий, правления которых находились за границей, но объект эксплуатации отчасти бывшей России, а отчасти — других стран. Имеют ли право советские граждане восстановить свои права на долю участия в этих предприятиях пропорционально количеству акций, которыми они владели до революции?

1. Некоторые предприятия, правления которых прежде были в России, теперь оказались на территории отошедших от нас государств, в Польше, Эстонии, Латвии, или в местностях, занятых другими государствами, как Бессарабия и на этих территориях находятся или все предприятия целиком, или часть его. Имеют ли опять право советские граждане требовать долю участия в этих предприятиях пропорционально количеству акций, которыми они владели до революции?

2. Некоторые предприятия, бывшие прежде на русской территории и имевшие отделения за границей, преобразовались, девальвируя свои капиталы, учредив самостоятельные общества по иностранному законодательству, преобразовав свои бывшие отделения в самостоятельные общества. Имеют ли опять право советские граждане, владевшие прежде акциями этих предприятий, в этих пережившихся предприятиях на долю участия, пропорционально количеству акций, которым они прежде обладали, или, в крайнем случае, согласно новым принятым ими статусами.

3. Для осуществления указанных выше прав советских граждан надо, чтобы соответствующие советские учреждения выдавали бы удостоверения о том, что на 1 января 1918 г. на имя этих советских граждан в таких то банках имелись бумаги соответствующих предприятий.

4. Какова давность для предъявления советскими гражданами своего права на долю участия в предприятиях, указанных в первых 3 пунктах.

5. Если бывшие русские кредитные учреждения, отделения которых находятся за границей, обладая списками бумаг, которые имели их клиенты в банках на хранении или на онкольном счету, пользуются этими бумагами для увеличения количества своих голосов на общих собраниях этих предприятий или для инкассирования дивиденда по этим бумагам, то возможно ли прекратить

это и как это сделать, и советские граждане могут получить в свою пользу уже инкассированный банками дивиденд по этим бумагам.

6. Если дивидендные бумаги советских граждан находились на онкольных счетах в бывших русских банках, что обычно имело место на территории бывшей России, то с аннулированием бумажных денег аннулированы ли долги советских граждан бывшим русским кредитным учреждениям, или дело находится в зависимости от национальности банка, т. е. чисто это русский был банк, или иностранный.

7. Разрешение этих вопросов в известном направлении представляет большие выгоды для Наркомфина, так как таких бумаг немало числится на счетах нынешних советских граждан и, следовательно, продажа этих бумаг или получение дивиденда по ним обеспечивало бы приток иностранной валюты к нам.

8. Как лучше всего организовать представительство интересов в этом вопросе советских граждан. [Возможно] путем создания особых бюро, при поддержке Наркомфина, заинтересованного в этом вопросе, так как советские граждане, держатели этих ценных бумаг, едва ли своими силами в состоянии будут создать такое бюро, и его придется создавать и во Франции, в Англии, Румынии и Польше, Эстонии, Латвии и т. д. и везде обзавестись хорошей юридической защитой.

Печатается по: ОР РНБ, ф. 541, ед. хр. 55, 11 л.